

**Памятник Пушкину и Далю.
Скульптор Н.Г.Петина.
Оренбург. 1998**

облик, можно только прикоснувшись к тем забытым ныне образцам отечественной словесности, которые когда-то, в XIX веке, составляли неизменный «атрибут» каждого мыслящего человека. Воспоминания о Дале, каких в 1870—1890-е годы появилось немало, были проникнуты единым желанием — воскресить в памяти *повседневный* облик человека, составившего славу той эпохи, отголоски которой до сих пор слышны... Е.В.Даль, Я.К.Грот, Н.И.Пирогов и другие соратники его дела в той или иной мере освещали этапы жизненного и творческого пути В.И.Даля, подмечая подчас редкие по своей жизненной красоте и духовной силе качества могучего гражданина России. *Воспоминания* П.И.Мельникова-Печерского (1818—1883), которого называли наиболее «скрытым» писателем XIX века, образно, с чувством юмора и одновременно достоверно раскрывают скудные биографические данные, имеющиеся в словарях, обогащают их интересными бытовыми эпизодами из жизни В.И.Даля и его окружения, рассказывают о духовных исканиях и подвигах (именно так!) замечательного русского ученого, наконец, что немаловажно в контексте нашего журнала, рассматривают почти забытые теперь повести, рассказы, духовные произведения и иные писательские «миниатюры», которыми зачитывалось поколение XIX века. В зарисовках П.И.Мельникова-Печерского нет места тенденциозной легкости или же, наоборот, желанию приблизить себя к его облику. Описанное редким знатоком русского словесного жанра словно наполнено подлинно далевским стилем, его интонацией, говором. Оттого во многом автобиографические заметки читаются столь интересно и выделяются в череде мемуаров о В.И.Дале. Пусть заключительные строки *Воспоминаний* П.И.Мельникова-Печерского будут и для нас, потомков и скромных наследников его дела, своеобразным призывом не только помнить и чтить *всегда* (а не так, к юбилею...) его заветы, жить, насколько это возможно, его идеями и приумножать благие дела, завещанные нам великим жизнелюбцем и правдоискателем — Владимиром Ивановичем Далем: «Вечная да будет ему память!»

П.И.МЕЛЬНИКОВ-ПЕЧЕРСКИЙ*

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДИМИРЕ ИВАНОВИЧЕ ДАЛЕ

200-летний юбилей знаменитого русского лексикографа и просветителя, писателя и ученого Владимира Ивановича Даля — событие исключительной важности. Как часто у нас бывает, в печати появятся многочислен-

ные статьи, анализирующие его труды и несомненный вклад в русскую науку. Таких работ будет немало. А вот прикоснуться к самому В.И.Далю, понять «струны» его души, вновь открыть для себя его *человеческий*

*Публикуется с сокращениями по изданию: Мельников П. Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале // Русский вестник. — 1873. — № 3. — С. 275—340. Мельников Павел Иванович (псевдоним — *Андрей Печерский*) — русский прозаик.

...
Владимир Иванович Даль родился 10-го ноября 1801 года в местечке Лугань Славяносербского уезда Екатеринославской губернии. Отец его в то же время служил врачом при Луганском казенном литейном заводе.

Иоганн Даль, родом датчанин, в ранней молодости уехал в Германию и там в одном университете (кажется, Йенском) прошел курс наук богословского факультета. Он сделался замечательным лингвистом. Кроме греческого и латинского и многих новых европейских языков, он в совершенстве изучил

язык еврейский. Известность Даля как лингвиста достигла императрицы Екатерины II, и она вызвала его в Петербург на должность библиотекаря. Здесь Иоганн Даль увидел, что протестантское богословие и знание древних и новых языков не дадут ему хлеба, а потому отправился в Йену, прошел курс врачебного факультета и возвратился в Россию с дипломом на степень доктора медицины. В Петербурге женился он на Марии Фрейтаг, дочери служившего в ломбарде чиновника. Мать ее, бабушка Владимира Ива-

*Дом в Луганске,
где родился В.И.Даль*

новича, Марья Ивановна Фрейтаг, из рода французских гугенотов де-Мальи, занималась русскою литературой. Она переводила на русский язык Геснера и Ифланда¹. Влияние бабушки не осталось бесследным для Владимира Ивановича Даля. С матерью говорил он по-русски, а поминала бабушку, как только выучился читать, стал читать ее переводы, а с ними и другие русские книги. Таким образом, чтение на русском языке было первым его чтением.

Отец Владимира Ивановича был горяч иногда до безумия. Он поступил на медицинскую службу в кирасирский полк, принадлежавший к Гатчинским полкам великого князя Павла Петровича. В автобиографической записке, которую Владимир Иванович уже пораженный физическими и нравственными ударами², диктовал дочери за полгода до кончины, сказано следующее: «Отец мой с великим князем не ладил, а по обязанности являлся ежедневно к нему с рапортом. Однажды майор того полка (кирасирского) опоздал на какой-то смотр или парад. Великий князь, наскочив на него, до того ему выговаривал, что тот, покачавшись на лошади, свалился снопом: с ним сделался удар. Павел Петрович бросился к нему, приказал отцу моему о нем заботиться, а когда, через несколько дней, майор поправился и мог лично явиться к нему, то великий князь, подав ему руку, сказал:

— Sind Sie ein Mensch?

Тот отвечал:

— Ja, Hoheit.

— So können Sie auch verzeihen³.

«Я слышал от матери, — продолжает Владимир Иванович, — что она была все

время после этого в ужасном страхе, потому что отец мой постоянно держал заряженные пистолеты, объявив, что если бы с ним случилось что-нибудь подобное, то он клянется застрелить себя».

Из Гатчины Иоганн Даль перешел на службу в горное ведомство, сначала в Петрозаводск, потом в Луганский завод, затем, уже по рождении Владимира Ивановича, в морское ведомство, в Николаев. Отсюда летом 1814 года, когда Владимиру Далю было тринадцать с половиной лет, его отвезли учиться в Морской кадетский корпус.

«Что скажу я о воспитании в корпусе? — говорит Владимир Иванович в автобиографической записке. — О нем в памяти остались одни розги, так называемые дежурства, где дневал и ночевал барабанщик со скамейкою, назначенною для этой потехи. Трудно ныне поверить, что не было другого исправительного наказания против ошибки, шалости, лени и даже в случае простой бессмысленной досады любого из числа двадцати пяти офицеров. Расскажу несколько случаев, которых я был свидетелем. По обычным преданиям, кадеты сообщали устраивали в огромной обеденной зале в Новый год иллюминации, ставили раскрашенные и промазанные бумажные сажженные пирамиды, освещенные огарками внутри. Какого труда и заботы дело это стоило, особенно потому, что оно должно было делаться тайно! Дети прятались для этого на чердаке и других малодоступных местах, расписывая, под охраной выставленных махальных, бумажные листы вензелями начальников своих и наклеивали на лунинные пирамиды. Об этом, конечно, знали все офицеры, но не менее того как всякая без изыятия забава или занятие, кроме научного, были запрещены, то в 1816 году офицер — 1-й роты Миллер (он стоит того, чтоб его назвать)⁴ своими руками, в умывалке 1-й роты, изломал в щепы и изорвал в клочки изготовленные к Новому году пирамиды. Не без слез, конечно, изготовлены были взамен вторые, по недосугу гораздо меньшие, а впоследствии, на самой иллюминации и маскарраде, сами офицеры, прохаживаясь по зале, любовались картинными вензелями своими на пирамидах, будто ни в чем не бывало. Другой пример. Директор наш, дряхлейший адмирал Карцов⁵, выживший уже из лет, заметил, в сумерках, что кадеты расчистили себе на дворе каток и катаются, немногие на коньках, другие скользя на подошвах, приказал купить и раздать на каждую роту по десяти пар коньков. Казалось бы, затруднение и самое запрещенное этим было устранено, и раздачу коньков нельзя было принять иначе как за поощрение, а между тем, если кадет ловили на такой забаве, которая считалась в числе шалостей, если они не успевали скрыться через бесконечно длинные галереи, то их непременно секли. Иногда нельзя было не подумывать, что люди эти не в своем уме. То же можно сказать о лейтенанте Калугине, вертлявом щеголе и ломаке. Всякого кадета, который смел при нем смеяться, он допраши-

вал под розгами: «О чем ты смеешься?», вероятно, подозревая, что смеются над ним. Последствия такого воспитания очевидны. Не было того порока, который бы не входил в обиход кадетской жизни. Это было тем тяжелее, что о самой возможности такой жизни и не слыхивали дома...

Что сказать о науке и корпусе? Почти то же, что и о нравственном воспитании: оно было из рук вон плохо, хотя для виду учили всему. Марк Филиппович Горковенко⁶, ученик известного Гамалеи и наш инспектор классов, был того убеждения, что знание можно вбить в ученика только розгами или серебряною табакеркою в голову. Эта табакерка всякому памятна.

Там не так сказано, говори теми же словами, и затем тукманку в голову: это было приветствие Марка Филипповича при вступлении ученика в бесконечный ряд классов».

Владимир Иванович свое детство и корпусное воспитание описал также в повести *Мичман Поцелуев*. Вот несколько строк из этой повести, которую можно, хотя не совсем, но отчасти, назвать автобиографическою, по крайней мере, Владимир Иванович не раз говаривал, что, описывая похождения Поцелуева, он разумел себя, молоденького мичмана, ехавшего в марте 1819 года из Петербурга в Николаев.

«Смарагд Петрович Поцелуев был сын откупщика Екатеринославской губернии, воспитывался в Морском корпусе, был выпущен мичманом, назначен в Черноморский флот и ехал теперь в Николаев.

Смарагд был мальчиком с хорошими способностями, с доброю, детскою душою, родился под благодетельным влиянием созвездия лиры и был поэт. Так, по крайней мере, ему казалось; хотя сущность дела заключалась в том, что Смарагд вступил в те лета и отношения, когда всякий человек с душой и чувством делается поэтом, и стихов не пишет только тот, разве кому своенравная природа положительно отказала в способности расположить готовую мысль мерными стопами и закончить их рифмой. В самом деле, есть люди, которые решительно не в состоянии написать самое будничное стихотворение. Они пишут прозой хорошо, цветисто, в прозе их есть поэзия, но они не в состоянии сложить четыре стиха, сколько бы ни бились. Если таких людей по справедливости называем в этом отношении бездарными, то Смарагд Петрович был юноша даровитый; он писал стишки, несмотря на недавнее упражнение свое в искусстве этом и малую опытность, довольно складно и свободно, даже нередко наобум, вдруг, но — гений его был слабосилен; это была, естественно, одна только вспышка, и начатое стихотворение оставалось не доконченным. Начать стихотворение было ему легко, почти не стоило труда; но продолжение и конец всегда откладывались на неизвестный срок и очень редко исполнялись.

Поцелуев получил дома от матери, немки, благонравное воспитание, мечтательное воображение, курчавый волос, белое лицо и

голубые глаза?; от отца, русского — беззаботный нрав, не глупую голову, довольно широкие плечи, крепкое здоровье. На тринадцатом году поступил он в Морской корпус, пробыл там пять лет, и теперь, с эполетами, шитым воротником и саблею на черном лаковом ремне через плечо, увидел свет. <...>

В конце царствования Александра I русский флот был в упадке. Наши корабли совершали плавание только по «Маркизовой луже», как называли тогдашние моряки Финский залив, по имени морского министра

ной, на паре почтовых лошадей, ехал молоденький мичман. Мичманская одежда, с иголки, плохо его грела. Молоденький мичман жался на санях. Ямщик из Зимогорского Яма (дело было в Новгородской губернии) поглядел на небо и в утешение продрогшему до костей моряку указал на пасмурневшее небо — верный признак перемены к теплу.

— Замолаживает! — сказал он.

По-русски сказано, а мичману слово ямщика не вразумелось.

было летом. Чтобы не мешать хозяевам, он вышел в палисадник, а тут за решетчатым забором собралось несколько нищих и сборщиков на церковное строение. Впереди всех стоял белокурый, чистотелый монах с книжкой в черном чехле с нашитым желтым крестом. К нему обратился Даль.

— Какого, батюшка, монастыря?

— Соловецкого, родненький, — отвечал монах.

— Из Ярославской губернии? — сказал Даль, зная, что «родимый», «родненький»

**Панорама Невского проспекта. Александрейский театр и Публичная библиотека.
Худ. И.Иванов с оригинала В.С.Садовникова. 1830**

маркиза де-Траверсе, которого признавали главным виновником падения того учреждения, которое было любимым детищем Петра Великого. Далю, однако, посчастливилось: еще будучи гардемаринном, сходит он не только до Красной Горки, как упоминает в своем *Мичмане Поцелуеве*, но и в Копенгаген. Там с прочими русскими офицерами и гардемаринами он был удостоен приглашения к обеденному столу датского короля. Не стану передавать рассказов Даля о том, как он провел несколько часов во дворце королевских своих дедов; упомяну о другом, более для нас важном, рассказе его пребывания в Дании. «Когда я плыл к берегам Дании, — говаривал он, — меня сильно занимало то, что увижу я отечество моих предков, мое отечество. Ступив на берег Дании, я на первых же порах окончательно убедился, что отечество мое Россия, что нет у меня ничего общего с отчизною моих предков. Немцев же я всегда считал народом для себя чуждым»⁸.

По свидетельству товарища Даля по Морскому корпусу Д.И.Завалишина, Владимир Иванович еще будучи кадетом занимался литературой. Он писал стихи и тогда уже в своих сочинениях старался избегать иностранных слов и несвойственных русской речи выражений и оборотов. <...> Марта 2-го 1819 года В.И.Даль выпущен из Морского корпуса мичманом в Черноморский флот, двенадцатым по старшинству из 86. Через несколько дней он оставил Петербург. Ему было тогда 17 лет и четыре месяца.

Морозным вечером, в марте 1819 года, по дороге из Петербурга в Москву, тогда еще не только не железной, но и не камен-

— Как замолаживает? — спросил он.

Ямщик объяснил значение незнакомого мичману слова. А тот, несмотря на мороз, выхватил из кармана записную книжку и оконченными руками пишет:

«Замолаживать — иначе пасмурнеть — в Новгородской губернии значит заволакиваться тучками, говоря о небе, клониться к ненастью»...

Эти строки, написанные на морозе 1819 года (они сохранились у Даля), были зародышем того колоссального труда, который ученому миру известен под названием *Толкового словаря живого великорусского языка*.

С тех пор с каждым днем книжка пополнялась. Записывались областные слова, особенные обороты народной речи, пословицы, поговорки, прибаутки. Лет через десять книжка превратилась в несколько толстых увесистых тетрадей, исписанных мелким, бисерным почерком Даля. <...>

Даль не кончил еще полного курса врачебных наук, как в 1828 году вспыхнула Турецкая война. В полковых врачах тогда крайне нуждались, ибо за Дунаем наши войска встречены были двумя врагами — турками и чумою. <...>

Чтобы показать, до какой степени Даль изучил местные говоры, достаточно рассказать следующее: Владимир Иванович не любил бывать в больших обществах, на балах, вечерах и обедах, но, находясь на службе, иногда должен был являться на официальных обедах и т.п. Однажды он был на таком обеде в загородном доме. Приехав по некоторому недоразумению на дачу рано, он застал хозяев еще в суете и хлопотах. Дело

одно из любимых слов ярославского простого человека.

Монах смутился и поникшим голосом ответил:

— Нету-ти, родненький, тамо-ди в Соловецком живу.

— Да еще из Ростовского уезда, — сказал Владимир Иванович.

Монах повалился в ноги...

— Не погубите!..

Оказалось, что это был беглый солдат, отданный в рекруты из Ростовского уезда и скрывавшийся под видом соловецкого монаха. <...>

По окончании польской кампании Владимир Иванович поступил ординатором в Петербургский военно-сухопутный госпиталь. Здесь он трудился неутомимо и вскоре приобрел известность замечательного хирурга, особенно же окулиста. <...> Замечательно, что у него левая рука была развита настолько же, как и правая. Он мог левою рукой и писать, и делать, все, что угодно, как правую. Такая счастливая способность особенно пригодна была для него как оператора. Самые знаменитые операторы приглашали Даля в тех случаях, когда операцию можно было сделать ловчее и удобнее левою рукой.

В это время В.И.Даль вступил уже в дружеские отношения ко многим из лучших писателей того времени; в том числе к Алексею Алексеевичу Перовскому, попечителю Харьковского учебного округа, автору романа *Монастырка*, повестей *Черная курица*, *Двойник* и др., известному под псевдонимом Антона Погорельского. Перовский был поклонник гомеопатии и сказал однажды Далю: «Чем спорить теоретически, отчего не испы-

В.А.Перовский.
Худ. В.Гау. 1841

А.А.Перовский (Антоний Погорельский).
Худ. А.П.Брюллов. 1830-е гг.

В.Ф.Одоевский.
Худ. А.Покровский. 1844

тать вам гомеопатического способа лечения на практике?» Даль последовал его совету, и, вскоре сделавшись горячим приверженцем гомеопатии, выступил с новыми статьями в ее защиту. Необычайная тревога поднялась в медицинском лагере. Далю невозможно стало оставаться на службе, тем более, что совесть уже не позволяла ему заниматься делом, в которое он больше не верил, — и притом каким еще делом? От которого зависит жизнь многих людей. Несмотря на то, что не было у него никакого состояния, он вышел в отставку и совершенно оставил медицинскую практику, кроме хирургической. <...>

Еще в Дерпте Даль познакомился с Жуковским⁹. В Петербурге это знакомство перешло в тесную дружбу. Дружба с Жуковским сделала Далю другом Пушкина, сблизила его с Воейковым, Языковым, Анною Зонтаг (рожденная Юшкова), Дельвигом, Крыловым, Гоголем, кн. Одоевским, с братьями Перовскими. В 1830 году, вскоре по возвращении из Турецкого похода, В.И.Даль напечатал первую свою литературную «попытку» в *Московском Телеграфе* Полевого¹⁰. Возвратясь из Польши и распрощавшись с медициной, он совершенно выступил на литературное поприще. Начал он русскими сказками. «Не сказки сами по себе были мне важны, — писал он впоследствии, — а русское слово, которое у нас в таком загоне, что ему нельзя было показаться в люди без особого предлога и повода — сказка послужила предлогом. Я задал себе задачу познакомиться земляков своих сколько-нибудь с народным языком и говором, которому открывался такой вольный разгул и широкий простор в народной сказке». Предупреждая мысль, будто бы он ставит свои сказки в пример слога и языка, Даль прибавляет: Сказочник хотел только на первый случай показать небольшой образец — и право не сказового конца — образец *запасов*, о которых мы мало или вовсе не заботимся, меж-

ду тем как рано или поздно без них не обойтись»¹¹.

Таков же был взгляд Даля и на все его повести и рассказы. В них имел он вдобавок целью изобразить черты народного быта в неподдельном его виде. Не забудем, что до рассказов Даля русский простолудин выводился или в виде *пейзана* чуть ли не с розовым венчиком на голове, как у Карамзина и его подражателей, или в грязном карикатурном виде, как у Булгарина. В то время не было еще ни *Мертвых душ* Гоголя, ни *Записок охотника* Тургенева. <...>

Первые сказки в числе пяти Даль издал в 1833 году, назвав себя *Казакон Луганским*, потому что родился в казачьей земле, в местечке Лугань <...>. Они встречены были с восторгом всеми лучшими писателями того времени; особенно Пушкин был от них в восхищении. Под влиянием первого пятка сказок Казака Луганского он написал свою лучшую сказку *О рыбаке и золотой рыбке* и подарил Владимиру Ивановичу ее в рукописи с надписью: «Твоя от твоих! Сказочнику Казаку Луганскому, сказочник Александр Пушкин». <...>

В 1833 году Даль оставил медицинскую практику и службу в военно-медицинском ведомстве. Брат его друга, Антона Погорельского, главный начальник Оренбургского края, В.А.Перовский, пригласил его к себе на службу, и Владимир Иванович, оставив Петербург, отправился на берега Урала.

Самыми близкими людьми к Далю, до отъезда его в Оренбург и после того, были Жуковский, Пушкин и князь Одоевский. В конце 1836 года он с В.А.Перовским приехал в Петербург и через месяц ссорился одного из этих друзей.

В то время, когда все было поражено преждевременной и столь печальной гибелью Пушкина, когда все, знавшие и не знавшие его лично, самые даже иностранцы толпились в передней умиравшего и по набережной Мойки узнавать о ходе болезни, Даль

все трое суток мучений Пушкина ни на минуту не оставлял его страдальческого ложа. Последние слова князя русских писателей были обращены к Далю... Даль принял последний вздох дорогого всей России человека... Даль закрыл померкшие очи закатившегося солнца русской поэзии.

Известно, что Пушкин был несколько суверен. Он носил на большом пальце перстень с изумрудом, называя его своим талисманом, и никогда не скидал его, говоря друзьям, что если он снимет этот перстень хоть на минуту, божественный дар поэзии его покинет... Когда Пушкин узнал, что нет надежды, что должно ему умереть, он скинул перстень и надел его на руку Даля. Этот перстень Владимир Иванович носил до смерти на той руке, которая написала *Словарь живого великорусского языка*... Незадолго до смерти Пушкин услышал от Даля, что шкурка, которую ежегодно сбрасывают с себя змеи, называется по-русски *выползина*. Ему очень понравилось это слово, и наш великий поэт среди шуток, с грустью сказал Далю: «Да, вот мы пишем, зовемся тоже писателями, а половины русских слов не знаем!.. Какие мы писатели? Горе, а не писатели! Зато по-французски так нас взять — мастера!». На другой день Пушкин пришел к Далю в новом сюртуке. «Какова выползина! — сказал он, смеясь своим веселым, звонким, искренним смехом. — Ну из этой выползины я не скоро выползу. В этой выползине я такое напишу, что и ты не охачешь, не отыщешь ни одной французятины»¹². Что в эти минуты занимало мысли великого поэта, это скрыла от нас тайна смерти: через несколько дней Пушкина не стало. Случилось же так, что Пушкин был ранен в этом самом сюртуке. И когда в предсмертной борьбе отдал он Далю свой талисман, дрожащим, прерывающимся голосом примолвил*: «Выползину тоже возьми себе». Этот сюртук с дырой от пули на пра-

*Так в тексте *Воспоминаний*. — О.Н.

вой поле долго хранился у Даля. Он передал его М.П.Погодину, у которого он хранится теперь под бюстом Пушкина¹³. <...>

К восьми годам (с 1833 по 1841) пребывания Владимира Ивановича в Оренбургском крае относится большая часть его повестей и рассказов. К этому же периоду времени должно отнести и главнейшее пополнение запасов его для словаря, и собрание народных сказок, пословиц и песен. После *Первого пятака* Казак Луганский продолжал свои сказки. Лучшие того времени журналы дорожили честью украшать свои страницы произведениями Даля. <...> Наряду со сказками, начал он писать и повести из русского быта. Лучшими из них были: *Бедовик*, *Колбасники* и *Бородачи* и *Павел Алексеевич Игривый*, напечатанные в *Отечественных записках* <...>

Разнообразная деятельность Казака Луганского этим не ограничилась. Возник в тридцатых годах вопрос о том, что читать грамотному русскому человеку низших слоев общества. Даль написал *Солдатские досуги* (пятьдесят два рассказа и несколько загадок). Эти *Досуги* не были похожи на искусственные в высшей степени, на каждом слове звучащие фальшивую нотой тогдашние рассказы генерала Скобелева, знавшего фронтного солдата, но не ведавшего русского человека и притом не имевшего ни малейшего образования <...>. Впоследствии, уже в пятидесятых годах, когда Владимир Иванович Даль находился на полупукоке в Нижнем Новгороде, великий князь генерал-адмирал Константин Николаевич обратился к Дально с приглашением написать книжку для чтения матросов. Бывший мичман Черноморского флота в 1851 году написал *Матросские досуги*, состоящие из ста одиннадцати статей. И доселе нет в нашей литературе ничего лучше, ничего пригоднее для народного чтения, как *Солдатские* и *Матросские досуги* и статьи *Сельского чтения*, написанные первейшим знатоком русского простонародного быта, Казаком Луганским. А между тем о них и помину нет.

На все был мастер Казак Луганский. Приятель его художник Сапожников около 1840 года нарисовал десятка три карикатур из быта петербургских немцев. Даль написал к ним текст под названием: *Похождения Виоль д'Амура*, напечатанный вместе с альбомом рисунков в *Библиотеке для чтения*¹⁴. Казалось бы, что тут писать, чем себя выставить? Но Казак Луганский, говорим, на все был мастер. Конечно, его *Виоль д'Амур* не художественное произведение, но сколько и в нем веселого юмора, так свойственного всем Далевым рассказам, сколько подмечено характерных черт, сколько задушевности, правды!

Написал Казак Луганский и драматическое произведение *Ночь на распутии*, или *Утро вечера мудренее*. Эта «старая бивальщина в лицах» написана В.И.Далем по настояниям Пушкина. Содержание ее фантастическое. Тут, кроме удельного князя Вышеслава, его дочери Зори и ее женихов, действуют

В.А.Жуковский. Худ. Е.Р.Рейтерн. 1832

Домовой, Водяной, Леший, Оборотень, Русалки, и все они действуют вполне по-русски, то есть вполне сообразно с представлениями о них, созданными русским народом. В художественном отношении *Ночь на распутии* слаба, но она замечательна как опыт выставить на сцену русский сказочный мир. Даль рассказывал, что Глинка не раз ему говаривал, что после *Руслана* и *Людмилы* он непременно примется за *Ночь на распутии*. И какое бы в самом деле прекрасное либретто для русской оперы можно было сделать из этой «старой бивальщины»!

В восемь лет жизни в Оренбургском крае Владимир Иванович извездил его весь из конца в конец, вдоль и поперек. Он не раз ездил с В.А.Перовским по обеим сторонам Урала. Он сопровождал царствующего Государя Императора, обзревавшего в 1837 году Оренбургский край. Он сделал известный Хивинский поход 1837—1840 годов и оставил верное изображение его в любопытных письмах к родным и знакомым, напечатанных лет шесть тому назад в *Русском архиве*. Даль был всегда скромен и до крайности осторожен. Ни одним словом не упомянул он в этих письмах, ничем не выдал настоящего

виновника неудачи тогдашнего похода в Хиву, но всегда и всем говаривал впоследствии, что виновником неудачи был командир кавалерии, злобный на Россию поляк, генерал Циолковский. Воспользовавшись прямодушием Перовского, он своими распоряжениями умышленно погубил в снежной степи всех до единого 12000 верблюдов.

После Хивинского похода В.А.Перовский решил оставить Оренбургское генерал-губернаторство, но заботясь о драгоценном для себя и для службы человеке, как называл он Владимира Ивановича, заблаговременно постарался его пристроить в Петербурге. Брат его Лев Алексеевич Перовский был тогда товарищем министра уделов, и Василий Алексеевич просил его взять к себе Даля. Вскоре по переводе Даля в Министерство уделов, Лев Алексеевич Перовский назначен был министром внутренних дел, с оставлением за ним и должности товарища министра уделов. Владимир Иванович, считаясь на службе по удельному ведомству, с сентября 1841 года сделался ближайшим сотрудником и правую руку нового министра внутренних дел, то есть с самого вступления его в управление этим министерством

<...>. Когда Перовский получил графское достоинство, на гербе нового графа был написан девиз, придуманный Далем: *Не слыть, а быть*. <...>

В.И.Даль, служа при графе Л.А.Перовском, имел казенную квартиру в том же доме у Александринского театра, где жил и сам министр. Все знали, что значит Даль для министра, и потому было неудивительно, что губернаторы и другие важные лица, служившие по ведомству Министерства внутренних дел, все искали мест и наград взбирались по девятина ступеням в квартиру Владимира Ивановича; но он всегда был для них невидимкой. Зато всякий знатный ли, незнатный ли, всякий, совершенно даже безвестный человек, если приносил Казаку Луганскому несколько областных слов или несколько пословиц или поговорок, с самым теплым участием был принимаем в его семье. Но ему там и заикнуться не давали о службе или делах. По четвергам собирался у Владимира Ивановича кружок близких людей: тут бывали академики, профессоры, литераторы, художники, музыканты, моряки, артиллеристы, военные инженеры, офицеры генерального штаба, все люди мысли, слова и искусства. Здесь-то, на этих четвергах, зародилась и выработалась мысль об учреждении Русского географического общества, которое бы находилось в ведении министра внутренних дел. В 1845 году граф Перовский исходатайствовал высочайшее соизволение

на учреждение этого общества, самого деятельного из всех русских ученых обществ, сделавшего так много в 27 лет своего существования. Имя Владимира Ивановича значится в числе его учредителей.

<...> утомленный служебными трудами и частыми бессонными ночами, В.И.Даль стал просить графа Перовского дать ему место управляющего одной из удельных контор. Перовский и слышать не хотел об удалении из Петербурга неутомимого своего сотрудника и самого преданного друга. <...> Неотступные просьбы Даля и ходатайство В.А.Перовского склонили наконец министра на самую тяжелую, как выражался он, жертву: в 1849 году Владимир Иванович получил место удельного управляющего в Нижнем Новгороде. <...>

Частые объезды удельных имений, разбросанных по всей губернии, поправили несколько расстроенное долговременною сидячею жизнью здоровье Владимира Ивановича и значительно увеличили его запасы для *Словаря*. Мне нередко доводилось бывать в разных селениях при разговорах его с крестьянами об их быте, хозяйстве и т.п. Было чему и было у кого поучиться, как надо говорить с русским простолюдином! И как любил народ ласкового, всегда справедливого, а в случае надобности и строгого управляющего! Его слова для крестьян были законом не ради страха, но ради любви и доверия. Крестьяне верить не хотели, чтобы

Даль был не природный русский человек. «Он ровно в деревне вырос, на палатах вскормлен, на печи вспоен», — говаривали про него. И как он хорошо себя чувствовал, как доволен был, когда находился среди доброго и толкового нашего народа! <...> Будучи ревностным поборником гомеопатии, он исходатайствовал у графа Перовского разрешение устроить в Нижнем Новгороде удельную гомеопатическую больницу и построить для нее обширный каменный дом. Она существовала до оставления Далем должности нижегородского удельного управляющего в 1859 году. <...>

С самого приезда в Нижний, В.И.Даль стал приводить в порядок собранные им в количестве 37 тысяч русские пословицы. До тех пор все выходившие в свет русские пословицы (каждое собрание в пять или шесть раз меньше Далевского) были располагаемы по алфавиту. <...> В.И.Даль признал необходимость расположить свой запас пословиц по их смыслу. Он работал так: все собранные пословицы были у него переписаны в двух экземплярах на одной стороне листа, другая оставалась чистою. Разрезав их на «ремешки», он один экземпляр этих ремешков подклеивал в одну из ста восьмидесяти тетрадей, озаглавленных названием не предположенных, а явившихся сами собой во время работы разрядов: Бог. Вера. Грех. Изуверство. Раскол. Ханжество. Судьба. Терпение и т.д. Затем разбирался каждый

Смерть Пушкина. Худ. Д.Белокин. 1985–1986

разряд. Пословицы подбирались по их последовательности и связи, по их значению. Другой экземпляр *ремешков* подклеивался в другую тетрадь, алфавитную по первым буквам не первого, а главного слова. Таким образом составились примеры, столь обильно разбросанные по страницам *Толкового словаря*. За эту работу, которую мы шутя прозвали работой по «*ремешковой системе*», Даль просиживал каждый вечер часа по три, по четыре. Для него это было работой механической. Бывало, режет и подклеивает ремешки, а сам рассказывает бывальщину, да так рассказывает, что только слушай и записывай. <...>

У *Сборника пословиц* до напечатания их в 1862 году была своя история, история мытарств и походов. В предисловии к *Сборнику* Даль говорит:

«Сборнику моему суждено было пройти много мытарств задолго до печати и притом без малейшего искательства с моей стороны, а по просвещенному участию и настоянию особы, на которую не смею намекнуть, не зная, будет ли это угодно. Но люди, и притом люди ученые по званию, признали издание *Сборника* вредным, даже опасным... Нашли, что сборник этот небезопасен, посягая на развращение нравов... *Это куль муки и щепоть мышьяку*¹⁵, — сказали они. Домогаясь напечатать *памятники народных глупостей*, г. Даль домогался дать им печатный авторитет. К опасным для нравственности отнесены пословицы: «Благословясь на грех», «Середа да Пятница хозяину в доме не укащика». Находили непозволительным сближение сподряд пословиц или поговорок: «У него руки долги» (то есть власти много) и «У него руки длинные» (то есть вор).

Дополню неясные слова Даля. Дело было на моих глазах.

Одна из Высочайших особ пожелала видеть *Сборник пословиц* и, получив его в рукописи, признала полезным его напечатать, но предварительно препроводила его в Академию наук, в которой В.И.Даль был членом-корреспондентом¹⁶. В Академии поручили разбор *Сборника* академику протоиерею Кочетову; он-то и нашел щепоть мышьяку в далеких *Пословицах*. Даль отказался в печатании пословиц. Он писал в Академию: «Не знаю, в какой мере *Сборник* мой мог бы быть вреден или опасен для других, но убеждаюсь, что он бы мог сделаться небезопасным для меня. Если же, впрочем, он мог побудить столь почтенное лицо, члена высшего ученого братства, к сочинению *уголовной пословицы*, то очевидно *развращает нравы*. Остается положить его на костер и сжечь. Я же прошу позабыть, что *Сборник* был представлен, тем более, что это сделано не мною».

Лишь через девять лет после того *Пословицы* Даля нашли место в *Чтениях Императорского Общества* истории и древности российских. Лишь в 1862 году появилась эта книга, столь необходимая и для филолога, и для этнографа, и для всякого литератора,

Нижний Новгород. Худ. Н.Г.Чернецов. 1838

который желает писать не по-французски, а по-русски. <...>

После десятилетнего пребывания в Нижнем Новгороде, в самом конце 1859 года, Владимир Иванович, переехав в Москву, поселился на Пресне, в доме, им купленном у г. Иваненка, а построенном историографом князем Щербатовым. В этом доме написана была *история Российского государства*, в этом доме (в нашествие Наполеона поплатившемся паркетом гостиной, где какой-то французский генерал, не умея топить наши печи, разводил костры) кончены были работы по *Толковому словарю*. Из Нижнего В.И.Даль привез *Словарь*, окончательно обработанный до буквы П. В Москве недуги Даля усилились, а он работал, работал неутомимо, иногда до обмороков. Он часто, бывало, говаривал: «Ах, дожить бы до конца *Словаря!* Спустить бы корабль на воду, отдать бы Богу на руки!»

Желание его исполнилось, он дожид до свершения своего великого труда. <...>

Четыре огромные тома <...> в 330 листов, плод неустанных 47-летних трудов, в 1867 году явились пред русскою публикой. Как бы загремело имя Даля, если б это был словарь французский, немецкий, английский! А у нас хоть бы одно слово в каком-нибудь журнале¹⁷. Ни один университет не выразил своего уважения к монументальному труду Даля возведением его на степень доктора русской словесности, между тем как дипломы на докторскую степень раздавались зря. Ни один университет не почтил составителя *Толкового словаря* званием почетного члена или хотя простым приветом неутомимому труженику, окончившему столь великое дело!.. Я не знал человека скромнее и нечестолюбивее Даля, но и его удивило такое равнодушие. Впрочем, я ошибся: один университет, в России находящийся, с должным уважением отнесся к труду Даля. Это университет немецкий, существующий в

псковском русском городе Юрьеве, ныне Дерптом именуемом. Оттуда прислали Даля за *русский Словарь* латинский диплом и немецкую премию¹⁸. <...>

Когда *Толковый словарь* был кончен печатанием, ординарный академик М.П.Погодин писал в Академию:

«*Словарь* Даля кончен. Теперь русская Академия наук без Даля невысказима. Но вакантных мест ординарного академика нет. Предлагаю: всем нам, академикам, бросить жребий, кому выйти из Академии вон, и упрямее место предоставить Далю. Выбывший займет первую, какая откроется, вакансию».

Академия наук единогласно избрала Владимира Ивановича в свои почетные члены. Затем она присудила *Толковому словарю* Ломоносовскую премию. <...>

Кончив печатание *Словаря*, Владимир Иванович отдохнул от трудов. Он сделал все: *Словарь* и *Пословицы* изданы, песни переданы в Общество любителей российской словесности для печатания их вместе с песнями Киреевского, сказки отданы для печатания покойному А.Н.Афанасьеву. Разные записки и служебные бумаги О.М.Бодянскому, который помещает их в *Чтениях Общества истории и древностей*, и П.Н.Бартеневу для *Русского архива*, некоторые бумаги — М.П.Погодину; большое собрание записок, относящихся до раскола — мне. Раздав таким образом свои запасы, В.И.Даль говаривал, что он теперь спокоен, будучи уверен, что все собранное им в течение полустолетия рано или поздно увидит свет Божий.

Казалось бы, с окончанием долговременных и тяжелых трудов, здоровье Владимира Ивановича должно было если не восстановиться, то хоть поправиться. Вышло наоборот. Ему некуда было девать часов, отведенных для занятий *Словарем*. <...> Долговременная привычка к постоянному труду, вдруг прекратившемуся, вредно повлияла на

здоровье великого трудолюбца. Сам он создал это, и, сознавая, стал опять писать *Картины русского быта* для *Русского вестника*¹⁹ и *Бытописание* для народного чтения.

Бытописание — это Моисеево Пятикнижие, изложенное применительно к понятиям русского простонародья. Труд замечательный по своей ясности, простоте и доступности пониманию малосведущих людей²⁰. Особенно замечательны в нем нравственные толкования разных мест Св. Писания, примененные к быту и обычаям нашей сельщины-деревенщины. Некоторые из них отличаются не только чрезвычайной ясностью, но и такими применениями к жизни, которые ускользали от внимания современных церковных учителей. Для примера приведу следующее. Говоря о Синайском законодательстве, Даль объясняет каждую из десяти заповедей. Объясняя четвертую, он говорит, что святить установленные праздники должно не гульбой, не пьянством и обжорством, а добрыми делами и помышлениями о Боге и будущей жизни. «Но если, — прибавляет он, — ты все это исполнишь, то исполнил ты только половину Божией заповеди, другая за тобой. В ней сказано: «Шесть дней делай и сотвори в них вся дела твоя». Значит, каждый день трудясь, опохмеляться в понедельник и думать не смей, все шесть работай, сотвори все свои дела до единого, никакой работы не смей оставлять до другой недели. Так Бог велел. Он сказал не просто «сотвори дела», а «сотвори вся дела»».

Бытописание Далья прошло много мытарств по цензурам. Иных смущало то, что вместо непонятной народу «скинии» у него стоит *палатка, шатер*; вместо «Брада Аарона» — Ааронова борода; вместо «стана израильского» (в пустыне) — еврейский табор. Другие недоумевали, можно ли допустить лютеранину поучать православный народ. <...> В московской духовной цензуре рукопись пролежала около двух лет, над нею все думали и возвратили автору, что называется, без отказа без приказа. В 1869 году я отвез рукопись *Бытописания* в Петербург. Тамашняя духовная цензура одобрила ее к напечатанию, но *Бытописание* все-таки осталось ненапечатанным, хотя одна особа и бралась его напечатать с картинками. А как бы хорошо было бы теперь дать пробуждающемуся от тьмы невежества нашему народу эту книгу, доступную пониманию! Как бы это было полезно! Теперь даже и того препятствия нет, что написал эту книгу иноверец. За год до смерти он вступил в лоно православной церкви, которую всегда признавал из всех исповеданий ближайшею к учению Христа Спасителя. А между тем как явные и тайные препятствия воздвигаемы были против распространения Далева *Бытописания* в народе, в детской даже литературе то и дело появлялись рассказы из Библии с суждениями далеко не православными, а в некоторых народных школах преподавалось, что источник всякой жизни не Бог, а кислород, что мир не сотворен, а само собой сделался... Но эти писатели и учителя по всем актам значатся

Москва. Пресненские пруды. Неизвестный художник. 1800-е гг.

православными, а Даль — лютеранин. Из его явствует, что их наставления народу полезны, а Далево *Бытописание* вредно. <...>

В.И.Даль всегда, как сказано было прежде, признавал ближайшею ко Христову учению церковь православную. Значительная часть наших бесед с Далем, в продолжение тридцатилетней приязни, посвящена была историческим вопросам об исповеданиях и различных церковных расколах. Еще лет двадцать пять тому назад <...> он в первый раз высказал мне следующее: «<...> Православие — великое благо для России, несмотря на множество суеверий русского народа. Но ведь все эти суеверия не что иное, как простодушный лепет младенца, еще неразумного, но имеющего в себе ангельскую душу. Сколько я ни знаю, нет добрее нашего русского народа и нет его правдивее, если только обращаться с ним правдиво... А отчего это? Оттого, что он православный... Поверьте мне, что Россия погибнет только тогда, когда иссякнет в ней православие... Расколы — вздор, пустяки; с распространением образования они, как пыль, свеются с русского народа. Раскол недолговечен, устоять ему нельзя; что бы о нем ни говорили, а он все-таки не что иное, как порождение невежества... Пред светом образования не устоять ни темному невежеству, ни любящему потемки расколу. Суеверия тоже пройдут со временем. Да где же нет суеверий? У католиков их несравненно больше, а разве протестантство может похвалиться, что оно совершенно свободно от суеверий? Но суеверие суеверию — рознь. Наши русские суеверия имеют характер добродушия и простодушия, на Западе не то; тамашние суеверия дышат злом, пахнут кровью. У нас непомерное, превышающее церковный закон почитание икон, благовещенская процессия, рассеянная вместе с хлебными зернами по полю ради урожая, скраденная

частица Св. Даров, положенная в пчелиный улей, чтобы меду было побольше, а там — испанская инквизиция, Варфоломеевские ночи, поголовное истребление евреев, мавров, казни протестантов!»

Так говаривал он много раз и впоследствии, и чем более склонялись дни его, тем чаще. Помню раз, года четыре тому назад (имеется в виду конец 1860-х годов. — О.Н.), прогуливались мы с ним по полю около Ваганьковского кладбища. Оно недалеко от Пресни, где жил и умер Владимир Иванович.

— Вот и я здесь лягу, — сказал он, указывая на кладбище.

— Да Вас туда не пустят, — заметил я.

— Пустят, — отвечал он, — я умру православным по форме, хоть с юности православен по верованиям.

— Что же мешает вам, Владимир Иванович? — сказал я. — Вот церковь...

— Не время еще, — сказал он, — много молвы и говора будет, а я этого не хочу; придет время, как подойдет безглавая, тогда... И тут же поворотил на шутку: — Не то, каково будет моим тащить труп мой через всю Москву на Введенские горы²¹, а здесь любезное дело — близехонько.

Выше было сказано*, что В.И.Даль увлекался учением Сведенборга. Когда я сблизился с ним, а это было еще в сороковых годах, он уже был увлечен сочинениями шведского духовидца. Нравственное учение Сведенборга ничем не противно нравственности христианской; это одно из самых возвышенных нравственных учений. Но Даль увлекался видениями Сведенборга о состоянии человеческих душ в вечной жизни и его истолкованиями Св. Писания. В Нижнем, в 1852 году, он даже переложил *Апокалипсис*

*В печатающемся сокращенном варианте *Воспоминаний* этот фрагмент нами не воспроизводился. — О.Н.

по словарю таинственных слов, указанных Сведенборгом. Вышла история христианской церкви после апостолов²². Пылливый и несколько мечтательный дух Владимира Ивановича занят был на некоторое время спиритизмом, но это продолжалось недолго. Приняв православие, он отверг Сведенборга и успокоил пылливость своего духа в учении и преданиях восточной Церкви. «Я всю жизнь искал истины и теперь нашел ее», — говорил он, вступив в ограду православия.

Осенью 1871 года с Владимиром Ивановичем случился первый легкий удар, и первым его делом было пригласить глубоко уважаемого им священника, отца Преображенского, для присоединения к нашей церкви и дарования таинства св. причащения по православному обряду. Удары повторялись один за другим, и после каждого он прибегал к божественному таинству. Сентября 22-го 1872 года он скончался.

Итак, скончал он жизнь свою в русской церкви. А был ли Даль русским по духу, он — датчанин по племени? Всегда, с ранней молодости.

Лет пять тому назад, в каком-то, не упомню, журнале, напечатано было о славянах в Дании. Там было упомянуто о славянах Далях. Надо было видеть восторг Владимира Ивановича при этом известии!

Около того же времени поднялся в печати вопрос о немцах прибалтийского края. В это время дерптские друзья Даля требовали от него категорического ответа, кто он — русский или немец.

Вот что писал он им: «Ни прозвище, ни вероисповедание, ни самая кровь не делают человека принадлежностью той или другой народности. Дух, душа человека — вот где надо искать принадлежности его к тому или другому народу. Чем же можно определить принадлежность духа? Конечно, проявлением духа — мыслью. Кто на каком языке думает, тот к тому народу и принадлежит. Я думаю по-русски».

Этим от души высказанным признанием кончу воспоминания о дорогом моем учителе и руководителе на поприще русской словесности, о русском великом трудолюбце, о русском православном человеке, Владимире Ивановиче Дале.

Вечная да будет ему память!

Предисловие и подготовка текста
О.В.Никитина

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Некоторые упоминаются в *Росписи* Смирдина, №№ 7.207 и 7.268 (здесь и далее примечания автора. — О.Н.).

²В ноябре 1871 года с ним случился первый удар; в феврале 1872 года скончалась супруга его Екатерина Львовна (дочь оренбургского помещика Соколова).

Всякий, кто хотя немного знал семейство Даля, согласится, что эта чета составляла редкий образец истинно христианского супружества. Начало автобиографической записки В.И.Даля (всего три страницы, до выпуска из Морского корпуса) напечатано в 11-й книжке *Русского Архива* 1872 года.

³— Вы человек? — Да, ваше высочество. — Ну, стало быть, вы можете и просить.

⁴Тогда флота лейтенант Николай Федорович Мидлер.

⁵Полный адмирал и сенатор, адмиралтейств-коллегии член, александровский кавалер Петр Кондратьевич Карпов.

⁶Капитан-лейтенант, а впоследствии капитан первого ранга и почетный член морского ученого комитета.

⁷Такова была в самом деле наружность Даля. О родителях своих в автобиографической записке он говорит: «Отец был строг, но очень умен и справедлив; мать добра и разумна и лично занималась обучением нашим, насколько могла; она знала, кроме немецкого и русского, еще три языка». То же и в *Мичмане Поцелуеве*, хотя там горный врач, датчанин, живший в Екатеринбургской губернии, и представлен русским и екатерининским помещиком.

⁸В.И.Даль произведен в гардемарины в 1816 году, то есть пятнадцати лет от роду. Чин гардемарина считался в то время офицерским. В Копенгаген ходило двенадцать гардемарин, в том числе Даль, Бутенев, Лихонин, убитый в Турецкую войну, декабрист Д.И.Завалишин, П.М.Новосильский, впоследствии директор департамента иностранных исповеданий, а потом цензор, Н.И.Синицын, потом директор Ришельевского лицея, П.С.Нахимов, герой Синопя и Севастополя. Гувернером при гардемаринах в этой морской кампании был капитан-лейтенант князь С.А.Ширинский-Шихматов (впоследствии афонский инок Аникита). Он

очень любил Даля и высказывал сожаление, что он принадлежал к лютеранскому закону. «Хороший ты человек, друг мой Даль, жаль только, что немец!» — говаривал он ему. Во время плавания к датским берегам гардемарины обязаны были вести записки. Даль очень жалел, что его записки не сохранились.

⁹В то время, когда В.И.Даль учился в Дерптском университете, там преподавал словесность А.Ф.Воейков (автор *Дома сумасшедших*, потом редактор *Литературных прибавлений к Русскому инвалиду*), женатый на сестре Жуковского Александры Андреевны. Жуковский жил вместе с сестрой в Дерпте до самого того времени, как был назначен воспитателем царствующего ныне Государя Императора.

¹⁰См. предисловие ко 2-му тому *Сочинений Владимира Даля*. С.-Петербург, 1861.

¹¹*Полтора слова о нынешнем русском языке*, статья В.И.Даля, напечатанная в *Москвитяине*, 1842, часть 1, стр. 549—550.

¹²Так называл он галлицизмы и чужеречия, вводимые в русский язык.

¹³Я слышал от М.П.Погодина предположение его: когда будет воздвигнут в Москве памятник Пушкину, внизу его, в приличном местелище, положить этот сюртук как реликвию великого поэта на память грядущим поколениям русских людей.

¹⁴В *Собрании сочинений Владимира Даля*, изд. 1861, его нет.

¹⁵Такой пословицы в народе нет. Эта «уголовая», по выражению Даля, пословица сочинена покойным академиком профессором Кочетовым.

¹⁶Вскоре после того, как Российская Академия была присоединена к Академии наук в виде второго ее отделения, Даль, бывшего членом-корреспондентом по первому, то есть по физико-математическому отделению, не спрося его, перевел во второе. Это очень оскорбило его.

¹⁷Это очень понятно. Чтобы дельно писать о Далевом словаре, надо много знать, надо знать, кроме того, наш народ и его живую речь во всех ее изгибах. Как бы ни велико было у взявшегося писать знание русской грамматики и книжного языка, этого недостаточно. Даль говорит прямо, что русской грамматики покамест еще нет, а книжный язык, особенно язык писателей последнего времени, он отвергает. Вот сказать, что в *Словаре* помещены слова, составленные самим Далем, выдуманные им, как сделал это г. Пыпин, это нам с руки.

¹⁸Она учреждена вдовою немкою (забыл фамилию) и назначена для наград за знаменитые успехи в области языкознания.

¹⁹*Картины русского быта*, напечатанные в *Русском вестнике* 1867 и 1868 годов. Это были последние напечатанные при жизни В.И.Даля его сочинения.

²⁰В.И.Даль имел также намерение передать Евангелие на языке простонародья, но в самых строгих выражениях и притом, разумеется, буквально. Переведенная таким образом XIII глава Евангелия Матфея находится теперь в рукописи у М.П.Погодина.

²¹На Введенских горах единственное в Москве лютеранское кладбище. Оно в верстах восьми от Пресни.

²²Это переложение (в рукописи) находится у М.П.Погодина. <...>

Могила В.И.Даля на Ваганьковском кладбище в Москве